

ТРЕТЬЯ СИМФОНИЯ ГУСТАВА МАЛЕРА

ДНЕВНИК ИСКУССТВ

Творческое наследие Малера, состоящее из десяти симфоний и нескольких вокально-симфонических циклов, все еще недостаточно известно нашим слушателям. Между тем в искусстве гениального австрийского музыканта, прожившего недолгую трудную жизнь (Малер умер в 1911 году 51 года от роду), отразились важнейшие процессы, происходившие в общественном сознании народов Западной Европы. Чуткий художник, в полном смысле слова гениальный дирижер, поднявший оперную и симфоническую культуру Вены на недосягаемую высоту, Малер отличался необыкновенно широким музыкальным кругозором. Бах и Бетховен, Вагнер и Брукнер, Чайковский и Сметана, простые песенно-танцевальные напевы народного происхождения, незатейливые городские песенки — все это переплавлялось в горниле его могучего композиторского таланта и превращалось в монументальные музыкальные концепции, потрясавшие своими масштабами, своей глубиной и доходчивостью. Третья симфония в этом смысле — один из шедевров Малера.

Не знаю, сколько десятилетий назад звучала и звучала ли вообще в Риге Третья симфония? Во всяком случае, за послевоенные годы она была впер-

вые на днях исполнена оркестром Московской филармонии, женской группой нашего Академического хора, детским хором Дворца пионеров и солисткой Илгой Тикнусе. Мы должны быть благодарны нашим гостям во главе с неутомимым Кириллом Кондрашиным за то, что они предоставили нам возможность воочию убедиться в мощи и жизнеспособности этой захватывающей музыки.

«Для меня написать симфонию — это значит всеми средствами современной музыкальной техники построить мир», — говорил Малер. И Третья симфония действительно поражает обилием и контрастностью бесконечной вереницы образов, сливающихся в единую, гигантскую панораму жизни, простирающуюся от трагического зимнего оцепенения, неумолимой траурной поступи и трагических перипетий первой части (которая одна занимает целое отделение концерта) через грациозные весенне-танцевальные и лирико-романтические образы последующих двух частей к философским размышлениям, наивной радости и мудрому просветлению, заполняющим последние три части симфонии.

Всяческого одобрения заслуживает большая работа, проде-

ланная солисткой Илгой Тикнусе и хористами, разучившими и хорошо спевшими свои партии на немецком языке. В спящий коллектив оркестра естественно влились довольно многочисленные местные музыканты (симфония написана для увеличенного состава). В памяти слушателей надолго останутся проникновенные речитативы тромбона в первой части симфонии (солист оркестра Евгений Крючков). Необыкновенно поэтично прозвучало соло трубы, имитирующей почтовый рожок в третьей части (солист оркестра Харлампий Поныотов).

Между прочим, чрезвычайно удачной представляется идея «вывести» трубу за пределы оркестра и поместить исполнителя в стороне, между деревьев, ближе к морю. Вообще, обстановка Дзинтарского зала оказалась максимально близкой к пантеистическому замыслу Малера.

Да, все без исключения исполнители Третьей симфонии Малера знали, пользуясь крылатыми словами Суворова, «своей маневр». Но решающая роль принадлежала, конечно, «полководцу», дирижеру, управявшему этим огромным одухотворенным коллективом. О

Кирилле Кондрашине написано много, и его искусство не нуждается в славословии. И все же трудно удержаться и не выразить восхищения его художнической глубиной, серьезностью и скромностью. Временами казалось, что оркестр играет сам, без какого-либо вмешательства со стороны. Но это только казалось, это было то самое мастерство, которое настолько велико, что его не замечаешь... В действительности дирижер непрерывно творил: то еле уловимыми жестами он уравнивал звуков, то властно организовывал музыкантов в едином мощном нарастании, то словно сам растворялся в широких, напевных — и таких простых, доходчивых мелодиях. Сложнейшие звуковые конструкции симфонии, ее тонкая подголосочная (а иногда и имитационная) полифония в мягких и сильных руках дирижера становились ясными и прозрачными.

И все это — без малейшего навязывания своей персоны, без какого бы то ни было самолюбования, искренно, просто и сильно. Да, исполнение Третьей симфонии Малера, горячо принятое многолюдной аудиторией, стало, без сомнения, одним из значительных событий нашей концертной жизни.

П. ПЕЧЕРСКИЙ.